

Эксплуатация природы на «ничьей земле»

текст

Вера Куклина

Жителям города Байкальска «повезло» оказаться под пристальным вниманием всего внешнего мира с момента самого основания города. В этом уникальность города, получившего имя в честь озера, угрозу чистоты которого он составляет. Однако именно эта уникальность позволяет лучше понять то, что происходит с постсоветским обществом в настоящее время. Для понимания этой уникальности мы проанализировали существующую научную дискуссию о моногородах, особенно о постсоветских городах. В обзоре литературы, посвящённой моногородам или «company towns», исследователи отмечают их тесную связь с индустриализацией, которая началась в конце XVIII века в Западной Европе (текстильный Нью Ланарк в Шотландии, воплотивший утопические идеи Р. Оуэна, железорудный Ле Крезе во Франции братьев Шнайдер), в начале XIX века – в США, в конце XIX – начале XX века – в Латинской Америке. В Латинской Америке моногорода часто возникали в труднодоступных и неблагоприятных для жизни районах, например, в пустыне Атакама и на озере Маракайбо. Исследователями отмечено, что моногорода являются отражением своих стран: в Бразилии и Аргентине текстильные, металлургические и города по производству фасованного мяса расположены в пределах или рядом с городскими центрами, в Андских странах (Боливия, Чили, Перу) это горнодобывающие посёлки в изолированных районах с иностранными владельцами. В 1960-1970 годах исследователи Латинской Америки анализировали опыт рабочих таких городов как часть проектов по индустриализации и классовому конфликту. Моногорода являлись самым экстремальным примером неравных торговых отношений между индустриализованным центром и недоразвитой периферией: принадлежащие зарубежному капиталу, ориентированные на внешний рынок и имеющие ограниченное количество связей с остальной частью национальной экономики [1].

Вместе с тем нередко такие города процветали в ареалах «белого колониального поселения» и подходили под описание Тёрнеровской модели фронта [2].

В обзоре подобных городов Д. Портос относил российские моногорода в список других, существующих на слабозаселённых, удалённых территориях, на линии фронта. Наиболее приближены к сибирским условиям территории севера Канады и штата Аляски США, однако эти территории преимущественно заселены коренными народами и отдельными вахтовыми поселениями. После окончания разработки месторождений, которые являлись основной причиной возникновения городов в этих регионах, там наблюдался отток населения. Подобные города изначально воспринимались рабочими как места временного проживания, предполагавшие экологически безответственное поведение и ориентацию на максимальное извлечение ресурсов, которые покидались, как только это становилось экономически возможно.

Для исследовательских целей важно различить отношения «центр-периферия» и «метрополия-колония», которыми оперировали исследователи моногородов. Анализируя теории постколониализма и глобализации (отношений «центр-периферия»), исследователь Ревати Кришнасами считает, что их развитие происходило параллельно: исследования постколониализма развивались больше в гуманитарных науках, глобализации – в социальных [3]. Такой элемент колониализма как марксистские абстрактные «трудовые ресурсы», выделяемые Д. Чакрабартти, существуют до сих пор в управленческих дискурсах [4]. Вместо понятия колонизации в советский период принят термин «экстенсивное развитие экономики», предполагающий рост экономики за счёт освоения новых территорий и рабочих без обновления материально-технической базы.

Однако колониализм в европейском понимании (в первую очередь выделяющие культурные и расовые измерения критической теории, в дополнение к марксизму, феминизму) несколько отличается от колониализма в понимании российском [5]. Спецификой российской колонизации, рассматриваемой российскими исследователями, является его распространение не только на расовые и этнические меньшинства, но и на представителей той же расы и этничности, что и коло-

низаторы. В частности, здесь следует отметить рассуждения в терминах колониализма о прошлом России А. Эткинды, о современной России – Б. Родомана. Отличие колоний России от других империй по А. Эткинду: в наличии не морских, а сухопутных дистанций между колониями и метрополиями. Эти дистанции гораздо сложнее преодолеть, чем морские – занимает больше времени, энергии и денег. И в самом деле, по расчётам Л. Безрукова, даже железнодорожный транспорт, который стал огромным скачком в обеспечении связи внутри страны, в 5 раз дороже, чем морской.

По мнению этнографов, подобная удалённость способствовала автономному существованию российских колоний. В советский период административно-территориальное деление устанавливает статус различных территории и рамки их ответственности в контексте централизованного планового управления. С развитием авиации и иных способов коммуникации развиваются социальные связи, идёт процесс образования единой советской идентичности.

Борис Родоман видит признаки колониализма в продолжающейся политике экстенсивного развития, расточительном использовании окружающей среды, земельных, природных и трудовых ресурсов, а также самом определении колонизации как «заселение и хозяйственное освоение пустующих окраинных земель» в «Советском энциклопедическом словаре» (1989). По мнению Б. Родомана, «в представлении о том, что земля может пустовать – самая суть колониализма» [6]. Основные признаки империи, по мнению его ученика В. Каганского: единое структурирование большого разнообразного пространства, внешнее нормирование на основе стандартов, присущих лишь некоторой привилегированной части империи, либо не присущей никакой части [7].

С момента исчезновения Российской империи прошёл почти век, с момента развала Советского Союза – более 20 лет, однако заданный когда-то импульс колониационного мышления и восприятия окружающей среды сохранился – в инерции принятия решений, поведения, взаимоотношений друг с другом и окружающей средой. Далее данные аспекты будут рассмотрены подробнее.

Инерция внешнего воздействия

В 1969 году выпущен фильм «У озера» режиссёра С. Герасимова. В фильме снялись известные актёры, в 1971 году он получил государственную премию СССР. Благодаря фильму «У озера» об уникальности природной экосистемы озера и построенном загрязняющем комбинате узнала широкая общественность. В роли защитников озера – учёный и его дочь. Они представители интеллигенции, для которых Байкал – «достояние всей страны и всего человечества». Против комбината высказываются представители бурят – коренных жителей, но неофициально, а в неформальном общении со строителем завода, обосновывая нежелание работать на стройке. Застроительство комбината – «цивилизаторы», желающие построить «цивилизацию по первому разряду».

Дискуссии и споры о вреде комбината не прекращались на протяжении всей истории его существования. В процессе высветились и другие аспекты воздействия на окружающую среду Байкала развивающейся промышленности и транспорта: приняты решения о запрете сплава древесины по озеру, крупнотоннажного флота.

В 1987 г. появляется Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 434 «О мерах по обеспече-

нию охраны и рационального использования природных ресурсов бассейна озера Байкал в 1987-1995 гг.», содержащее ряд масштабных положений, в том числе «о перепрофилировании в тринадцатой пятилетке Байкальского целлюлозно-бумажного комбината на мебельно-сборочное производство, не оказывающее вредного воздействия на состояние природной среды» [8]. Тринадцатая пятилетка, в план которой должно было быть включено перепрофилирование, предполагалась с 1991 по 1996 год. В качестве же неотложной меры соответствующим ведомствам предписывалось «обеспечить в 1988 году отведение очищенных сточных вод Байкальского целлюлозно-бумажного комбината в реку Иркут». Эта мера вызвала взрыв общественного недовольства и переход от дискуссии к протестным акциям. Протестное движение развернулось в Иркутске: организация временного водостока и оперативно начавшееся строительство «трубы» от комбината к реке Иркут рассматривались как уловка Министерства лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР с целью сохранить БЦБК на Байкале и даже саботировать его перепрофилирование. В результате под давлением общественности решение о переброске стоков в реку Иркут было отменено.

В декабре 1992 года Правительство РФ принимает постановление № 925 «О перепрофилировании Байкальского целлюлозно-бумажного комбината и создании компенсирующих мощностей по производству целлюлозы», которое не было реализовано. Откладывание реализации постановления аргументировалось в условиях системного кризиса угрозой безработицы в Байкальске. В 2000-е работа предприятия оказалась затруднительной технически (устаревшее оборудование) и нерентабельной экономически в связи с кризисным падением цен на целлюлозу. В 2002 году Всемирный банк даёт кредит на перепрофилирование комбината, однако в этом же году приходит новый собственник, который от этого проекта отказывается. Однако и новый собственник вынужден идти на уступки и начать работу по переводу на замкнутый цикл водооборота. В 2007 году Росприроднадзор подаёт иск против комбината, обвиняя его в нелегальных сбросах. В 2008 году на предприятии проект перевода комбината на замкнутую систему водооборота реализован, которая полностью исключает выброс даже очищенных стоков в озеро. С использованием данной технологии комбинату пришлось перейти на выпуск более дешёвой и менее рентабельной небелёной целлюлозы. Объемы производства стали сокращаться, и на фоне финансового кризиса производство было приостановлено (3 октября), а затем остановлено приказом руководства. На момент остановки на предприятии трудилось 2291 человек (в 2006 году количество занятых на БЦБК составляло 2639 человек.). За период с октября 2008 года по сентябрь 2009 с комбината было высвобождено 1687 человек.

Среди местных жителей нередко можно услышать, что решение о закрытии комбината было принято в 2002 году, когда В. В. Путин катался на курорте «Гора Соболиная». Возможно, помимо непосредственно восприятия окружающей природной красоты, он мог ощутить запах метилмеркаптана. По оценкам экспертов: «Существенный дискомфорт для человека в окрестностях комбината определяется высокой концентрацией в воздухе дурнопахнущих соединений серы-сероводорода, метилмеркаптана, диметилсульфида. Запах ощущается в радиусе до 10 км, площадь деградации лес-

ных фитоценозов может быть в первом приближении очерчена радиусом в 70-100 км» [9].

В конце 2010 года производство возобновлено, после того, как, основываясь на приоритетности решения социальных проблем перед экологическими, в январе 2010 года тем же премьер-министром В. В. Путиным было подписано решение об исключении производства целлюлозы, бумаги и картона из перечня видов деятельности, запрещенных в Центральной экологической зоне Байкальской природной территории [Постановление, 2010]. Подобное покровительство собственникам комбината бросается в глаза и местным жителям, для которых рассуждения принимают оборот отношений с Москвой: «Они большие собственники, они крупные собственники, о чем с ними говорить, когда кругом Москва, значит. Куда ни плюнь, там москвичи значит, а мы как бы, мы рабами уже стали, сибиряки» (мужчина около 50 лет).

Основным из документов, на которых основываются стратегии развития города, является Комплексный инвестиционный план модернизации города. Разработанный экспертами в сфере экономики в 2010 году, он предусматривает два сценария. Первый предполагает закрытие комбината и репрофилирование его территории (но не самого комбината) «в рамках нового позиционирования г. Байкальска и развития туризма и рекреации». В ходе реализации такого сценария доля БЦБК в экономике города должна снизиться до 5,9% в 2014 году, чтобы затем город смог развиваться без комбината. Второй сценарий – успешная модернизация комбината и сохранение монопрофильности города. В этом случае доля комбината в объеме продукции, работ и услуг, по мнению разработчиков, может в 2014 году составить 50%. Но в документе обозначены серьезные риски и выражены большие сомнения по поводу долговременности и прочности такой перспективы для развития города, для решения социальных проблем жителей: «Продолжение работы комбината является нецелесообразным. Комбинат находится в значительном удалении от лесосырьевой базы. Даже при условии благоприятной ценовой конъюнктуры на рынке целлюлозы комбинат будет работать на грани рентабельности. Ориентация комбината на одного потребителя (Китай) делает его абсолютно зависимым. Комбинат является относительно небольшим предприятием подобного профиля и не в состоянии оказывать существенное влияние на политику потребителей и ценовую конъюнктуру. Любое значительное понижение цен приведет к повторной остановке комбината и усугублению ситуации в г. Байкальске» [10].

Таким образом, зависимость от центрального планирования заменяется зависимостью от воли на тот момент премьер-министра и потребителя, в данном случае Китая.

Развитие туризма и курорт «Гора Соболиная», в частности, в первую очередь упоминаются в качестве альтернативы промышленному развитию, однако его владельцы тоже находятся в Москве, а созданный уже ряд горнолыжных трасс пока ещё не воспринимается в качестве угроз развития эрозионной деятельности на окружающих город горных склонах. Восприятие красоты природы как материального ресурса сводит дискуссии о запахе метилмеркаптана всего лишь как эстетической проблеме, которую можно устранить установкой дополнительных фильтров: «У меня вот большой круг знакомых, и я от многих слышала: пока он стоял, было так хорошо, запаха этого не было, хотя вот и мужчины уехали...Я вот работаю сейчас на горнолыжном курорте, и я вот вам честно скажу, на нашем биз-

несе это однозначно сказывается, потому что как суббота-воскресенье, так роза ветров на эту гору, и соответственно запах. И хоть застрелись».

Инерция сконструированной среды

Природные явления являлись определяющими с момента планирования завода. Чистейшая вода как причина выбора местоположения; горный рельеф, опасность землетрясений и вечная мерзлота как определяющие городскую планировку, высоту и конфигурацию зданий. Роза ветров учитывалась уже позже, при строительстве Усть-Илимского комбината.

В отличие от многих других моногородов, созданных в транспортно изолированных районах, Байкальск расположен на Транссибе, в непосредственной близости (60 км) от пос. Култук, где берет свое начало дорога в Тункинскую долину, к границе с Монголией, а также Кругобайкальская железная дорога. К тому же Байкальск – ближайший к Республике Бурятия город в Иркутской области: в город на продажу привозят сельскохозяйственную продукцию жители соседнего Тункинского района. Данные элементы географического положения слабо принимаются во внимание при проектировании будущего города, как будто он продолжает существовать в пустоте.

Неоднозначность отношения к городу и комбинату на фоне международной известности послужила дополнительной поддержкой восприятия собственной исключительности горожанами: «Байкальск тоже городом стройки был, новостройки. Комсомольско-молодёжная считалась. [...] Какая-то гордость была. Гордились. Город был красивый, зелёный. И то, что, ну, не знаю... Патриотизм какой-то, что ли, был (смеётся). Гордились тем, что все спрашивали про наш город, почти все знают везде его. Вредный ли там, хороший или плохой, но мало кто не слышал про Байкальск. Даже была в отпуске, там москвички жили в комнате, про завод сразу спрашивают, как там, что там...» [11].

То, что территория не воспринималась его жителями как второстепенное место или колония, подтверждается тем, что приехавшие из Ленинграда специалисты, имевшие возможность уехать обратно (сохранили квартиры на родине), остались в городе.

Советским наследием, от которого отказываются собственники комбината, считаются шламонакопители (всего 12), длина которых достигает 400-500 метров, ширина 100 метров. С момента основания комбината в них сбрасывались и консервировались отходы производства: «Вот над нами нависает 30 тысяч всякой нечисти. 20-ти метровая дамба стоит. Не дай бог провет, затопит все и Байкалу хана. Сегодня же никто не смотрит за этим делом»

В среде экспертов преобладает технократическое отношение к решению экологических проблем: считается, что это можно сделать при помощи внедрения новых технологий. В частности, Лимнологическим и другими институтами Иркутского научного центра предлагаются технологии утилизации отходов, создание центра отдыха для дальнобойщиков – шиномонтажные мастерские, гостиницы, парковочные площадки. Обоснованность предложения обусловлена тем, что город расположен примерно в середине пути между Владивостоком и Москвой и является единственным с выходом на берег озера. Накопленные шлам и золу предлагается использовать для производства строительных материалов и дорожного покрытия. Освободившиеся шламонакопители предлагалось сделать бассейнами, в которых возможно было бы заниматься дайвингом, разводить рыбу, купаться. В каче-

стве идеального будущего для города представляется высокотехнологичное, экологически безопасное производство, которое привлекло бы сюда специалистов высокого уровня, с высоким уровнем экологической культуры.

Логика индустриального развития воспроизводится в нарративах городской администрации и бывших ИПРовцев: «Мы чётко знаем, что на территории города должно быть крупнотоннажное производство – для того, чтобы выжил город численностью 15000 человек, не выжил, а жил» [12].

Байкальск представляет собой классический случай формирования города в соответствии с плановой экономикой: изначально были запланированы пространство города и его связи с комбинатом. До 2008 года, пока не было завершено строительство комплекса канализационных очистных сооружений города, откачка хозяйственных стоков производилась на очистные сооружения ОАО «БЦБК». По-прежнему ТЭЦ ОАО «БЦБК» осуществляет централизованное теплоснабжение г. Байкальска. Вывоз мусора осуществляется на полигон бытовых отходов, который представляет собой карту №12 золошламоотвала ОАО «БЦБК».

После снятия с комбината его социальных функций до сих пор слабо проявляются попытки в изменении городского пространства. Речь идёт не только о проблемах с социальной инфраструктурой. Пришедшие в город средства для улучшения жилищного фонда направляются в первую очередь на косметический ремонт уже существующих зданий. С одной стороны это оправдано. Построенные относительно недавно, они не устарели физически, но в некоторых случаях устарели морально: «...бабушки на Южной все сдают, тоже там, где квартиры, деревянные. А щас же народ другой едет, они не хотят уже в этих квартирах жить. Они говорят, что уровень ваших квартир семидесятих годов. Их это не устраивает».

Таким образом, ресурс квартир постепенно сокращается. Построенные в 1960-х годах, они не представляют какой-либо эстетической или архитектурной ценности.

Благодаря благоприятным природным условиям относительно других сибирских городов, агентства недвижимости отмечают стабильный спрос на жильё в городе, связанный с притоком людей пенсионного возраста, которые хотят жить на Байкале. В частности, район бассейна реки Бабха, в котором расположено большинство дач байкальчан, не имеет электричества, однако интенсивно разрастается. В 2009 году обычный дачный участок (600 м²) можно было приобрести за 250 тысяч рублей, хотя еще три года назад он стоил не более 50 тысяч рублей. Цены выросли в связи с тем, что дачные участки активно покупаются жителями Иркутска, Ангарска, желающими приобрести землю на берегу Байкала. В качестве аргументов обоснования жизни в городе называются «интересный климат», «интересно и комфортно жить».

Многие биографические повествования содержат яркое эмоциональное впечатление от первой встречи с Байкалом. Байкальск – зеленый, уютный город, вписанный в горный ландшафт, что вносит в городскую идентичность отношения с природой, воспринимаемые как очень естественные: «А тут город на Байкале. Такие ожидания, мне хотелось озеро посмотреть. Ой, всё замечательно. Во-первых, город, конечно, меня поразил сразу. Он такой тихий, красивый. Погода такая, снежная. [...], солнце такое, снег. Такая красота! Меня поразила природа». И она говорит о том, какая там такая природа в Байкальске. "Поехали в

Байкальск!" – Она сама со Слюдянки. А я говорю: "Ну и поехали." Ну и взяла сюда направление. Я приехала. Я думаю, какая (смеется) дыра после Братска. [...] Городок-то маленький. А потом мы как начали походы по речкам везде. Такая красота! Я думаю, ничего себе тут! Мы же до Тальцов ходили. Там такие озёра и альпийские луга! Это же всё красиво же! Реки такие чистые, водопады всякие, да. И всё, я осталась. И я живу вот уже сколько лет... [...] Это что, в семьдесят седьмом, двадцать два года. Двадцать один».

Прогулки к Байкалу являются обыденной жизненной практикой горожан: «Когда комбинат закрыли, ой, сколько было народу на Байкале, а что делать... надо было что-то делать» [13].

Сбор ягод, грибов, черемши – естественные занятия горожан, для некоторых из них являющиеся источником дохода, иногда даже основным. Кроме того, повседневная эксплуатация природных условий включает выращивание цветов, экологически чистых продуктов, в том числе клубники, ставшей основой жизнеобеспечения для некоторых семей.

Инерция отношений

В случае кризиса, когда собственник комбината оказался неконкурентоспособен в рыночных условиях, его поддержка государством была осуществлена с использованием дискурса о приоритете социальных интересов перед экономическими. Для жителей города, так и не привыкших к рыночным конкурентным условиям, подобная ситуация оказалась к стати, тем более, что осталось пространство для реализации неформальных экономических практик. Однако для среднего бизнеса воспроизводство бюрократических, патерналистских отношений становится крупнейшим барьером.

«Бюрократическая машина. С этой бюрократической машиной, по-моему, не совладать уже никому. Кругом препоны вокруг. Кругом, на всех уровнях. Оформление документов – это страшная вещь. Я при Советском Союзе половину жизни про., это проработал так, но такого не было» (предприниматель, около 50 лет).

Однако смена собственника и руководства в 2009 году привела к тому, что комбинат не воспринимается больше своим. Это способствовало ослаблению корпоративных отношений и зависимости от комбината. «Сейчас этот завод не нужен. Его остановили. Что с ним сделали? Сейчас завод, понимаете, как зомби, реанимировали его, [...] сейчас там всё на ладан дышит, постоянно выбросы. Там вообще остановка, я даже боюсь, как бы там что-нибудь не случилось такого, что ли, непоправимого. Потому что авария запросто может быть какая-нибудь техногенная. Сейчас с него все деньги выкачали, в него не вложили ни копейки. Он разваливается на глазах, а с него качают, качают, доят его».

Можно утверждать, что население города в достаточной степени информировано о вреде БЦБК для окружающей среды и жителей города. Так, 67% опрошенных в 2007 году были полностью согласны с тем, что БЦБК отрицательно влияет на здоровье работников комбината. Влияние на здоровье жителей города признавали 63% байкальчан. Сдержаннее оценивалось влияние на окружающую среду – четверть опрошенных были согласны с тем, что БЦБК в его нынешнем состоянии практически безвреден для природы. Еще четверть опрошенных были отчасти согласны либо отчасти не согласны с этим утверждением, и 15% затруднились ответить на вопрос. Причем данный вопрос вызвал в опросе 2007 года больше всего затруднений. Либо горожане отгораживались от при-

родоохранного дискурса, либо на распределение ответов влияло табуирование определенных точек зрения на комбинате и в городе. Включение слова «Байкал» в вопрос повышало процент негативно оценивавших последствия деятельности комбината. С утверждением, что БЦБК наносит Байкалу значительный ущерб, соглашались 38% респондентов. В распределении ответов на вопросы о безвредности или ущербе существенную роль играл факт работы респондентов на БЦБК. Так, люди, которые не работали в тот момент на БЦБК, чаще (42,6%) были согласны с тем, что БЦБК наносит Байкалу значительный ущерб. В то время как среди тех, кто работал на предприятии, были согласны с этим только 20,2%. Этой же закономерности соответствуют ответы на вопрос об ущербе, который комбинат наносит окружающей среде: с тем, что комбинат безвреден для природы, были согласны 36,2% работающих и 17% не работающих на БЦБК. Однако мнение о вредности комбината для здоровья жителей города в каждой из этих групп заметно преобладало: вред признавали 58,5% из числа работающих на комбинате и 68,2% неработающих. Мнения о вредности производства для работников комбината распределились следующим образом: вредность признавали 57,5% работающих и 76,2% не работающих на комбинате. То есть «снаружи» ситуация выглядела более опасной, чем «изнутри».

Оказавшись привязанными к корпоративным компонентам предприятия, как к одному из доминирующих стилей жизни, жители стали заложниками города как основного места жизни. За последние два года произошло переосмысление отношения к комбинату. «А вот два года нас отрезвили в какой-то степени. Можно прожить и без комбината [...], ...говорят, что такой возраст для предприятия не возраст. Бывает и по сто лет фабрикам, и они живут. Но если мы живем на Байкале, здесь все должно быть современно, экологически безопасно. Как удержать такого монстра, которому уже под 50 лет? Который пыхтит и трещит по швам, во все стороны из него все это выходит, ну даже опасно в какой-то степени. Хлор и так далее, бесконечные переживания, на какую гору бежать в случае чего...» [13].

Пока ещё слабо осмыслены биографические траектории людей, проживающих в городе: сельского (соседние деревни Иркутской области или Бурятии) или городского происхождения (ленинградцы, ангарчане, читинцы), этничности (русские, буряты, азербайджанцы), более присутствующие в нарративах жителей чем администрации. Однако они влияют на отношения с окружающей средой и способность находить ресурсы

за пределами данного города. Опыт постсоветского моногорода продемонстрировал возможность сопротивления колониальным практикам на индивидуальном уровне. Опыт, который может быть полезен в современном реиндустриализирующемся мире, однако ещё более актуальным может оказаться негативный опыт, выражающийся в сложности преодоления инерции.

Литература

1. Lindy Biggs. *The Engineered Factory //Technology and Culture*, 36 No 2 (Supplement) 1995. Pp. 174 – 188.
2. Porteus J. D. *The nature of company towns// Transactions of the Institute of British Geographers*. No 51. (November 1970): 121 – 42.
3. Krishnaswamy R. *Connections, Conflicts, Complicities / The Postcolonial and the Global*. Eds. R. Krishnaswamy, J. C. Hawley. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 2008. Pp. 2 –21.
4. Chakrabarty D. *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2000.
5. Child , Peter; Williams , Patrick. *An Introduction to Post-Colonial Theory*. London: Prentice Hall/Harvester Wheatsheaf, 1997.
6. Родоман Б. *Внутренний колониализм в современной России / URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/396/694/1219/012.RODOMAN.pdf>*.
7. Казанский В. Л. *Россия. СССР.//60 параллель № 4 (35), 2009. С. 12 – 19.*
8. *Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 13.04.1987 № 434. URL: <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sss2068.html>*.
9. *Комплексный инвестиционный план модернизации моногорода Байкальск Иркутской области на период 2010-2014 годы. Байкальск, 2010. С. 13 – 14.*
10. URL: <http://economy.irkobl.ru//sities/economy/prostranstvennoe-razvitiie/monogoroda>.
11. Из интервью с Ж., около 45 лет, работает на комбинате.
12. Интервью с заместителем мэра, сентябрь 2009 г.
13. Из интервью с Ж., около 50 лет, предприниматель, проявляет инициативы в сфере туризма.